

На Олимпе теперь не только боги

«Его родной край — знаменитый покрытый мрачной завесой природных тайн, край стерхов, аласов и сполохов, а не только морозов и снегов. Приехав сюда, надо постараться выучить "богатый, красивый язык его древнего северного народа"», — пишет один из самых замечательных критиков Лев Аннинский.

Да, это край Ивана Переверзина, холодный и суровый и в то же время трепетный. Здесь, на вечной мерзлоте живут и работают люди — немного наивные и прекрасные, у них чисты помыслы, душа нарастает, горячее и открытое сердце. Они умеют любить, работать, жить по-настоящему, а каждый их день — это маленький подвиг. Иван Переверзин рисует их такими, какие есть, не принижая и не приукрашивая. Он показывает своих земляков — от доярки и охотника до большого руководителя, — но, конечно же, главная тема, которая проходит красной нитью сквозь всё полотно — это любовь, вспыхнувшая в сердцах молодых людей.

Но он пишет их так, чтобы было понятно время, в котором они живут, и время, в котором жили их предки. А потому роман соткан из множества рабочих будней, необычных историй, которые для трудяг — вполне привычное дело. А ещё он соткан из живописных картин, пейзажных зарисовок, культурно-этнических вкраплений, исторических экскурсов, и в нём ещё много самых разных ярких штрихов. Писатель так много сказал, но сколько ему ещё хочется рассказать! И неслучайно это уже пятое издание романа.

Первое, вышедшее в серии «Сибиряда» со вступительной статьёй Льва Аннинского, давно живёт своей полноценной жизнью. Сказать точнее, раскуплено и зачитано. Второе Иван Переверзин обогатил новыми главами, и, разросшееся в глубь и вширь, оно было выпущено издательством «Вече» и влёт сметено с прилавков книжных магазинов, так что выпустили третье. Четвёртое вошло в собрание сочинений писателя. Наконец, «Вече», наблюдая за счастливой судьбой книги, решилось издать её в серии «100 великих романов». Это случайно?

Но посмотрите, это ведь Лев Аннинский увидел, что роман Ивана Переверзина «достоин войти в память русской прозы. Независимо от того, останется он завершённым или получит продолжение, то есть станет частью многотомной эпопеи». Получается, то, что он вошёл в эту замечательную серию в столь солидной компании писателей мирового уровня — лучшее тому подтверждение.

Заметим: из ныне живущих современных русских писателей в серии только двое. Переверзин и Бондарев. Бондарев и Переверзин. Других нет. Будем думать, пока. Переверзин и сам удивлён: «Да неужели во второй половине XX века не нашлось больше писателей, чьи произведения могли бы обрести второе дыхание в серии "100 великих романов"? Неправильно это. Не может такого быть!»

Как знать, может, появится что-то ещё... Название романа «На ленских берегах» сразу отсылает нас к сибирской кормилице — полноводной красавице-реке Лене. Ну а как вам такое — «Постижение любви»? Многозначительность второго названия понятна и очень оправдана: это и постижение любви к земле, и постижение любви к реке, на которой происходило становление героя. Но главное, конечно же, постижение любви к своей неповторимой женщине — то самое чувство, которое

герой бережно пронёс через всю жизнь, сквозь выпавшие на его долю испытания, то чувство, которое стало и святым хлебом его, и живою водою.

«— Вы с Марией совершенно не подходите друг к другу! Если ты камень, то она — железо! А что бывает, когда одно находит на другое, сам знаешь.

— Знаю. Треск с искрами...
— Так на что же ты надеешься? На чудо?»

Конечно, на чудо! Это чудо он сам и выпестовал в себе. Он помнит, как это было — всё, вплоть до малейшего дуновения ветерка.

«...Воздух всё больше и больше прогревался, едва колеблемый свежим ветерком, слетавшим с вершин правобережных сопкок. На далёком таёжном горизонте знойная дымка перекрашивалась в ярко-алый цвет, нежной красотой увлекая взор. Но дышалось настолько вольно, во всю развёрнутую грудь, что, блаженно потянувшись, Анатолий Петрович радостно воскликнул: "День-то какой изумительный, ну прямо как по заказу!" И вдруг ему захотелось, испулавшись, взять да и безоглядно переплыть реку, тем более что ещё в юности мечтал это сделать, но то времени не было, то не на шутку боялся судороги, которая в воде, даже в самом разгаре лета не прогревавшейся выше восемнадцати градусов, могла запросто свести ноги. А теперь,

100 великих романов

Роман Ивана Переверзина «На ленских берегах» увидел свет в серии «100 лучших романов» издательства «Вече», встав в один ряд с произведениями таких классиков русской литературы, как Иван Бунин, Фёдор Достоевский, Николай Гоголь, Александр Куприн, Михаил Булгаков...

когда рядом симпатичная женщина, перед которой ох как хочется выглядеть орлом и в руках так и играет мускулами молодая, зазорная сила, ну самое время осуществить сокровенную мечту! Вот именно — сегодня или никогда! И Анатолий Петрович, быстро раздевшись до плавок, аккуратно сложив брюки и рубашку на переднем сиденье лодки, подняв горящий взгляд на Марию, ничего не понимавшую и изумлённо смотревшую на него своими большими, красивыми, с лёгкой от природы грустинкой глазами, голосом, не терпящим возражений, очень уж уверенно отчеканил:

— Вот чего точно с самого детства не люблю, так это бездельного ожидания! Поступим следующим образом: я вплаву отправлюсь на тот берег, а ты, дождавись Василия, когда будет наложен мотор, передай ему мою просьбу, чтобы он причалил в устье Наторки. Вон видишь таёжную речку, огибающую сопку и впадающую в Лену напротив нас?

— Вижу!
— Так вот туда пусть и причаливает!».

Вот он такой — решительный, отважный, способный быстро принимать решения и брать ответственность на себя. И так — во всём. Его любовь, его женщина с тех пор всегда будут рядом. Потому что его мужская философия для неё — чёткая и понятная. Она — настоящая. За ним она будет всегда как за каменной стеной.

«— В любом случае ваш поступок — мальчишество!

— Может быть, но это лучше, чем из-за жалкого безволия начинать досрочно стареть! До встречи на том берегу! Да и потом... — тут Анатолий Петрович посмотрел в глаза Марии и как бы предсказал: — Мне кажется, что всё самое хорошее у нас с тобой впереди!..»

Да. Ещё весь роман — впереди.

И сюжет всеобъемлющ, потому что он не перестанет доказывать: я — тот, что надо. Терпеливо — страница за страницей — герой Ивана Переверзина вводит читателя в бесценный мир своего богатого — и историей, и людьми — края. Откуда он родом, герой? Смотри, любимая!

Писатель рассказывает: «После славного завоевания в конце XVI века казаками под предводительством грозного атамана Ермака когда-то могучего татарского Сибирского царства со столицей Ескер, русские первооткрывцы, довольно быстро продвигаясь всё дальше на восток, подчинили себе и якутские племена. К тому времени они успешно расселились на такой огромной территории, что, к примеру, она более чем в сорок раз превышала Францию, а Англию — вообще чуть ли не в сто! Якуты, как в стародавние времена наши дорогие предки, тогда являлись язычниками. И пусть, приняв православие от русских, были крещены, тем не

всё же через них на улицу упрямо выходило тепло, незаметное для человеческого глаза, но тотчас почувствованное воробьями и синицами. И эти шустрые, смыслённые птицы ещё до наступления холодов над окнами между карнизом и стеной устроили несколько уютных, маленьких гнёзд, в которых успешно переживали жестокие морозы с воющими особенно сильно по ночам долгими вихрастыми вьюгами...».

Так вдохновенно описывать бревенчатый дом — со смородиной и снегириями на снегу — дано не всякому. Вдохновение — товар штучный, его либо полно при рождении, либо надо откуда-то черпать горстями...

На каждой странице — поступательное развитие событий, и почти на каждой — сочный пейзаж.

Лев Аннинский об этом говорит: «Базовый уровень уклада у Ивана Переверзина — пейзажный. Обширная южнорусская степь с ключими островами белостольных берёз и встык — тайга, непроходимая, непролазная, неприступная. Климат — крутой и непредсказуемый. Или зной, прожигаящий всё. Или ледяной ветер, всё вгоняющий в озноб. Так что идти надо спиной к ветру. А надо! Хоронясь от ветра, штопором взметающего песок до небес, и этим же небесным светом любясь. И то, и другое — встык? Именно! Пейзажи у Переверзина — не просто сверкающие подсветки при каждом повороте действия, они композиционно перелазываются, стыкуются, словно на прочность проверяя душу, затиснутую в это живительное и грозное бытие...».

С пейзажами всё понятно. Но вот любопытно: что дописывал Иван Переверзин в первом варианте романа, чем его обогащал?

В разговоре писатель признаётся:

— Когда вышла первая книга, я взял несколько экземпляров с собой в отпуск — подписать своему давнему хорошему знакомому. В дороге открыл книгу, стал перечитывать, и вдруг в голове сами собой возникли новые образы, стали писаться новые главы. И потом они же подвигали меня на другие главы, а те рождали ещё и ещё. Так роман и разрастался.

— И насколько он вырос?
— Я добавил ещё десять глав, потому что мне также захотелось описать народ, населяющий край, раскрыть всю панораму якутской жизни, и в результате роман увеличился на 40%, а по факту был написан ещё один.

— Ого! Теперь, надеюсь, высказали всё?

— Нет, я не могу говорить, что всё высказал. По прошествии времени я увидел, что есть как минимум ещё четыре главы, и это надо садиться и писать. И я это сделаю, как только окончу брошенный роман.

— А ненаписанные главы, о чём они?

— Две будут посвящены производственному процессу и две — отношениям главных героев. И здесь будет показано начало развала СССР, его предпосылки на примере конкретных происходящих в Якутии событий. Роман станет более масштабным, более глубоким, как эпопея, и это будет, действительно, энциклопедия.

— В своей статье о романе «На ленских берегах» Лев Аннинский вдруг вспоминает Евтушенко и говорит: «Если уж говорить о поэзии, то слух у Переверзина точный...» Но мы-то сейчас говорим о прозе. И вот вопрос: кого из писателей тут уместнее всего было бы вспомнить?